

М.Г. Нечаев

Пермский государственный технический университет

ЦЕРКОВЬ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Деятельность церкви в годы войны в российской историографии не заслужена забыта и давно находится на периферии исторических разработок. На основе новых документов рассматривается, каким образом церковь пыталась не просто помочь российскому государству выдержать испытания лихолетья, но и выработала именно во время Первой мировой войны мобилизационную модель своих действий, которая впоследствии сыграла свою роль и во Второй мировой войне.

«Великая война», в ходе которой прекратили свое существование четыре империи и было убито 12 млн чел., а около 55 млн ранены, стала именоваться Первой мировой только в 1939 г., т.е. после начала Второй мировой войны. В России первоначально эту войну называли Второй Отечественной, затем империалистической, а на бытовом уровне – германской. Первая мировая война в российской историографии не заслуженно забыта и давно находится на периферии исторических разработок, так как события военных лет чаще всего рассматривают в контексте причин Великой русской революции и Гражданской войны, а не как самостоятельную тему. Это же касается и вопроса, связанного с изучением деятельности церкви в годы войны. Много из того, что писали советские историки по этой проблеме¹, практически не пересматривалось в постсоветской историографии. Сложилась парадоксальная ситуация, те авторы, которые пытаются использовать данную тему с точки зрения критики церкви, и те, кто выступает с иных позиций, по сути сходятся в одном – церковный авторитет в российском обществе был подорван именно в годы войны.

С одной стороны, советский атеист Илья Эльвин, который считал Первую мировую войну империалистической и несправедливой, писал: «Уже с самого первого момента мировой войны 1914–1918 гг. был мобилизован на ее службу весь гигантский аппарат церкви во всех странах, участвовавших в войне. Церковники всех стран сразу впряглись в военную колесницу, чтобы

¹ Подробнее см.: Кандидов Б.П. Церковный фронт в годы мировой войны. М., 1929; Он же. Империалистическая война и религия. М., 1933; Василенко В.О. Офицеры в рясах / Центр. совет СВБ СССР. М., 1933; Эльвин Ил. Церковь и война. М., 1934; Суглобов Г.А. Союз креста и меча. М., 1969; Платонов Н.Ф. Церковь и империалистическая война // Религия и церковь в истории России. М., 1975.

с помощью своих особых, одной церкви свойственных и присущих средств и методов “работы” помочь империалистам организовать победу и сломить всякое сопротивление войне. Церковь действовала в тылу и на фронте, среди шедших в атаку солдат и среди раненых... Она выступала в качестве утешителя трудящихся масс, в качестве распределителя подарков и всяких “благ” солдатам и в роли организатора общественного мнения внутри и вне страны. Словом, во время самой войны, как и в период подготовки к ней, в лице церкви империалисты располагали наилучшим и универсальным помощником»². Еще один его коллега также отмечает: «Терпела значительный урон не только религиозная агитация (т.е. богослужения, молебны, встречи икон и т.д.), но и религиозная пропаганда, основной формой которой была поповская внебогослужебная беседа. Солдаты 698-й Пермской дружины государственного ополчения возбудили ходатайство “о замене духовных бесед с ними дружинного священника лекциями по гигиене и по вопросам текущей политической жизни”, в связи с чем поп до получения ответа вынужден был беседы прекратить вовсе. Такие жесткие уроки получали те попы, которые не сумели быстро перестроиться и продолжали долбить только про религию»³.

С другой стороны, эту же мысль подчеркивает кандидат богословия преподаватель Минской духовной академии Г.Э. Щеглов. Он пишет: «Как это всегда было в русской истории, Православная Церковь в трудную, критическую для Отечества годину занимала исключительное положение, выступая объединяющей, цементирующей русское общество духовно-нравственной силой. Однако в годы Первой мировой войны Русская Православная Церковь находилась в несколько ином положении. Дело в том, что на рубеже XX столетия происходило заметное “расцерковление” русского общества. Проникаясь революционными идеями, пропитанными ложной моралью и ложными ценностями, оно все более становилось безрелигиозным. Начавшийся поход против государства вместе с тем был направлен и против Церкви. Зачастую Церковь подвергалась необоснованным нападкам, критике, а авторитет ее умышленно принижался. Уже в годы войны многие светские газеты без разбора кричали и шумели, что духовенство мало жертвует, мало делает. И в таких условиях Церкви приходилось нести свой крест жертвенного христианского служения страждущему Отечеству. В годы Первой мировой войны Церковь выступила не только как институт духовный, но проявила себя и в особой патриотической деятельности церковных учреждений и организаций, принявшей небывалую в истории Русской Церкви широту»⁴.

² Эльвин Ил. Церковь и война. М., 1934. С. 15.

³ Василенко В. О. Офицеры в рясах / Центр. совет СВБ СССР. М., 1933. С. 65.

⁴ Щеглов Г. Э. Церковь и Первая мировая война // Ступени. 2005. № 1(17). URL: http://minds.by/stupeny/nomera/17/st17_33.html

В постсоветской историографии также подчеркивается: «Во-первых, военным священникам было трудно работать из-за того, что далеко не все призывники знали молитвы, а иногда вообще не имели понятия о религиозных началах. Несмотря на общепризнанное мнение, что в России до революции почти все население было верующим, на некоторых кораблях и в частях порой до 70 % новобранцев совершенно не разбирались в вопросах веры. Во-вторых, утрата высокого религиозного чувства высшими чинами армии и флота принесла свои плоды и в солдатских и матросских массах. Армия и флот часто разрушали прежние религиозные стереотипы матросов и солдат, большинство из которых были деревенскими жителями»⁵.

Однако этот уникальный историографический казус лишний раз подчеркивает простую мысль о господстве оценочного, а не фактологического подхода в познании исторической реальности. Именно поэтому так необходимы региональные конкретно-исторические подходы в исследовании данной проблематики.

Сразу же после того, как Австро-Венгрия приступила к военным действиям по отношению к Сербии, началось вступление России в широкомасштабную и, как оказалось впоследствии, самоубийственную войну. 30 июля 1914 г. в России был подписан указ о всеобщей мобилизации. В этот же день Св. Синод, совершив в Казанском соборе торжественное молебствие о даровании российскому воинству победы, в своем экстренном заседании принимает ряд распоряжений.

Св. Синод постановил обнародовать манифест о войне во всех церквях, при этом совершив молебствие с коленопреклонением «О ниспослании победы христолюбивому воинству». Установили особые ежедневные молитвы за богослужением: за Государя, сражающее воинство и о раненых воинах. Всех призывали забыть «взаимные несогласия, распри и обиды». В церквях организовали постоянный кружечный сбор за каждым богослужением. Монастырям, общинам всем духовным учреждениям предлагалась отвести и приготовить под лазареты для раненых и больных воинов все свободные помещения, заготавливать «предметы лазаретного инвентаря»⁶.

Епархиальным преосвященным поручалось образовать во всех приходах особые попечительные советы из выборных прихожан, с участием духовенства и церковных старост. «На попечительные советы возложена обязанность: вести списки семей, члены коих призваны в ряды армии, выяснять их имущественное положение и оказывать им пособие до тех пор, пока в этом

⁵ Беляков А. Роль флотского духовенства в воспитании военных моряков дореволюционной России. Недостатки в деятельности военного и флотского духовенства и их причины [Электронный ресурс]. URL: http://rusk.ru/st.php?idar=40009#_ftnref40

⁶ См.: Действия и распоряжения Святейшего Синода ввиду объявления войны. СПб., 1914. С. 1–3; Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С. 13–21.

будет надобность»⁷. Для этой цели Св. Синод разрешил «оказывать пособие» не только из пожертвований, но и из церковных сумм.

В сентябре 1914 г. Св. Синод предложил епархиальным училищным советам организовать в церковных школах изготовление белья для солдат по образцу-выкройке, нарисованной в одном из номеров газеты «Церковные ведомости»⁸.

Как же выполнялись эти решения? В 1914 г. только от духовенства поступило пожертвований на сумму 137 300 руб. В этот же год образовалось 36 118 попечительных советов, которые оказали помощь свыше 1 200 000 семьям на сумму 1 563 724 руб., а к августу 1915 г. (за год войны) 2 146 242 семьям на сумму 6 358 570 руб.⁹

В 1914 г. духовное ведомство открыло 374 лазарета, из них 152 монастырских и 222 при церквях и епархиальных учреждениях. Всего в монастырских, церковных и других помещениях духовного ведомства, не считая духовно-учебных заведений и церковных школ, открыли 679 лазаретов¹⁰.

Духовенство уральских епархий: Вятской (учреждена в 1657 г.), Пермской (учреждена в 1799 г.), Екатеринбургской (отделена от Пермской в 1885 г.), Оренбургской (учреждена в 1799 г.), Уфимской (отделена от Оренбургской в 1859 г.) – с энтузиазмом восприняло патриотические инициативы Св. Синода.

В годы войны уральские епархиальные кафедры занимают чрезвычайно энергичные владыки. В 1914 г. в Вятку прибыл епископ Никандр (Феноменов)¹¹, в Екатеринбург – епископ Серафим (Голубятников)¹², в Оренбург – Мефодий (Герасимов)¹³, а в Уфу уже с 1913 г. был назначен епископ Андрей (Ухтомский)¹⁴.

⁷ Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С. 15–16.

⁸ См. там же. С. 279.

⁹ См. там же. С. 67–72.

¹⁰ См.: Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг., 1917. С. 10–11.

¹¹ Никандр (Феноменов) в миру Феноменов Николай Григорьевич (1872–1933), окончил Орловскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия, vicарный епископ Кинешемский Костромской епархии (1905–1908), vicарный епископ Нарвский Санкт-Петербургской епархии (1908–1914), епископ Вятский и Слободской 1914–1919, архиепископ Вятский (1919–1921), архиепископ Астраханский (1921), архиепископ Крутицкий (1922–1925), митрополит Одесский (1925–1927), митрополит Ташкентский и Туркестанский (1927–1933). Трижды арестован, сидел в тюрьме, концлагере и дважды был в ссылке.

¹² Серафим (Голубятников) в миру Голубятников Сергей Георгиевич (1856–1921), окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия, vicарный епископ Можайский Московской епархии (1905–1906), vicарный епископ Звенигородский Московской епархии (1906–1908), епископ Подольский и Брацлавский (1908–1914), епископ Екатеринбургский и Ирбитский (1914–1917), с 1917 г. на покое, расстрелян в 1921 г.

¹³ Мефодий (Герасимов) в миру Маврикий Львович Герасимов (1856–1931), vicарный епископ Бийский Томской епархии 1894–1898, епископ Забайкальский и Нерчинский 1898–1912, епископ Томский и Алтайский (1912–1914), епископ, а с 1918 г. архиепископ Оренбургский и Тургайский (1914–1919), архиепископ, а с 1929 г. митрополит Харбинский (1920–1931).

¹⁴ Андрей (Ухтомский) в миру Александр Алексеевич, князь Ухтомский (1872–1937), vicарный епископ Мамадышский Казанской епархии (1907–1911), епископ, а затем архиепископ Уфим-

В Пермь прибыл епископ Андроник (Никольский)¹⁵. Приехав в Пермь 18 августа, он до конца 1914 г. посетил 6 уездных городов Пермской епархии, осмотрел 23 церкви в губернском городе Перми (6 приходских, 17 домовых), а в уездах – 45 церквей и вместе с Белогорским подворьем – 11 монастырей¹⁶. Во время этих поездок по уездным городам «Все литургии оканчивались при участии всего местного духовенства молебна, положенного “по особой книжке” об одолении супостатов»¹⁷. В 1915 г. епископ Андроник выезжал «для обозрения епархии» 12 раз. Были выезды на 3–4 дня, а были и до двух недель. Всего в разъездах было проведено 58 дней, а пермский епископ преодолел по проселочной дороге, по железной дороге и на пароходе свыше 4800 верст. Он посетил 5 мужских и 5 женских монастырей, 9 городских приходов, 15 заводских, 50 сельских, 7 единоверческих, 13 церквей при учебных заведениях, тюрьмах, больницах и 3 кладбищенских церкви. В некоторых городских церквях совершалось архиерейское служение с проповедью до 3 раз¹⁸.

По инициативе нового пермского епископа было решено ежемесячно отчислять с причта пермских церквей: с протоиереев и иереев – по 1,5 руб., с дьяконов – по 1 руб., а с псаломщиков – по 50 коп. на военные нужды¹⁹. В 1915 г. в Епархиальный попечительный совет для оказания помощи солдаткам и их семьям духовенство из своих средств ежемесячно вносили: священники – по 3 руб., дьяконы – по 2 руб. и псаломщики – по 1 руб.²⁰

Все монастыри Пермской епархии (их было 15) произвели в 1914 г. сбор пожертвований на нужды военного времени, заготавливая белье, теплую одежду и т.д. Монахи подворья Белогорского Свято-Николаевского мужского общежительного монастыря устроили для раненых воинов лазарет на 20 кроватей с полным содержанием за счет монастыря.

В 1915 г. пермские монастыри продолжали из своих доходов отчислять на нужды войны от 2 до 4 %, а также и делали пожертвования деньгами²¹.

Настоятель Фаворской пустыни игумен Ювеналий «с братией» представил к празднику Рождества Христова на военные нужды Его Величеству государю императору пожертвования деньгами – золотом 200 руб. «с выражением верноподданнической преданности горячих молитвенных пожеланий о ниспослании свыше Державному Вождю победоносной Русской армии ско-

ский и Мензелинский с 1913 г. Неоднократно (около десятка раз) арестовывался и ссылался. Расстрелян в 1937 г.

¹⁵ Андроник в миру Никольский Владимир Александрович (1870–1918) – викарный епископ Киотский (1906–1907), викарный епископ Холмский (1907), викарный епископ Тихвинский (1908–1913), епископ Омский и Павлодарский (1913–1914), епископ Пермский и Соликамский, Пермский и Кунгурский (1914–1918), архиепископ Пермский и Кунгурский (1918). Расстрелян в 1918 г.

¹⁶ См.: Отчет о состоянии Пермской епархии за 1914 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2658. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 5.

¹⁸ Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 3.

¹⁹ См.: Пермские епархиальные ведомости. 1914. № 23–24. Отд. неоф. С. 468–471.

²⁰ Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 36.

²¹ См. там же. Л. 18.

рой победы и конечного сокрушения дерзкого и сильного врага»²². Кроме того, игумен Ювеналий пожертвовал на нужды войны игуменский золотой наперсный крест стоимостью 150 руб.²³

Епископ Андроник 4 октября 1915 г. распространил предложение, которое было напечатано в № 29 «Пермских епархиальных ведомостях», следовать примеру новой Чердынской Иоанно-Богословской обители, учредившей у себя сельскохозяйственную школу и открывшую приют для «воинских детей и детей беженцев»²⁴. Епископ в этом предложении призвал всех настоятелей и настоятельниц монастырей Пермской епархии «встать на помощь Отечеству и народу, чем могут и, отложивши менее спешные дела, готовить теплую одежду и белье для наших воинов на зиму: фуфайки или жилетки на вате, или лучше на шерсти, вязанные из шерсти перчатки и носки, портянки из холста, кисеты для табака...»²⁵.

По данному предложению (из Циркулярного указа Пермской Духовной Консистории настоятельницам монастырей Пермской епархии, от 7 января 1915 г. за № 2) по соображениям военного времени, женским обителям епархии было назначено особое послушание: «от обителей должны быть избраны и направлены особые сборщицы – по две от обители, которые, разъезжая по окрестностям, отбирали среди населения пожертвования, и деньгами, и вещами, например, платьем, холстом, шерстью, и хлебом, и овсом на нужды воинов, лазаретов, на пасхальные подарки воинам; по мере накопления, хлеб и овес можно продавать на местах и вырученное присылать по назначению в Пермский Епархиальный Попечительный Совет...»²⁶.

В своем отчете за 1914 г. епископ Андроник писал: «Благодаря старанию духовенства в каждом обществе, деревне, селе, заводе, городе епархии избраны особые попечители, или учреждены попечительные советы о семьях запасных и производится сбор всевозможными пожертвованиями. Означенными попечительными советами до 1 января текущего года собрано было вещевых пожертвований (белья, одежды, обуви, холста и проч.) на сумму до 4000 руб. и денежных 42 529 руб. 63 коп. (пожертвований частных лиц 38 526 руб. 41 коп. и пожертвований из церковных сумм 4003 руб. 22 коп.). За весь этот период времени ими была оказана помощь 10 775 семействам, на что было израсходовано 33 880 руб. 91 коп. (из частных пожертвований 29 086 руб. 9 коп. и из церковных сумм 4794 руб. 82 коп.)»²⁷.

²² Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 18.

²³ См. там же.

²⁴ См. там же. Л. 12.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 18.

²⁷ Отчет о состоянии Пермской епархии за 1914 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2658. Л. 25.

В 1915 г. причт Гамовской церкви Пермского уезда на нужды обороны собрал 270 руб. и препроводил их в Комитет Его Величества²⁸. Всего поступило в 1915 г. на военные нужды 42 549 руб. 22 коп., деньгами и разными вещами на сумму 2940 руб. 46 коп. на содержание двух приютов для солдатских детей 1658 руб. 78 коп. Съездом духовенства из сумм Попечительного совета отпущено на открытие приюта для детей воинов и для инвалидов воинов в г. Кунгуре 20 000 руб.²⁹

Духовенство также вносило деньги и в приходские попечительные советы. Например, в 1915 г. в Перми Свято-Троицкое Попечительство выдало пособие семьям призванных на войну более 1500 руб.³⁰ Нязе-Петровским попечительным советом Красноуфимского уезда выдано было на уборку сена до 176 руб.³¹, Бисертским – на обсеменение 225 руб.³², Михайловским Красноуфимского уезда – на покупку теплых вещей и подарки в армию к празднику Рождества Христова 236 руб., а всеми советами пожертвовано деньгами более 4000 руб. и вещами на сумму 14 157 руб. 51 коп.³³ По сообщению Пермского военно-промышленного комитета от 23 августа 1915 г., выполняя распоряжения епископа Андроника, пермское духовенство собирало пожертвования деньгами, вещами «на нужды государственной обороны». Было собрано: «старой медной монеты и меди 200 пудов, цинка и олова и свинца 100 пудов, железа и чугуна 700 пудов, всего на сумму приблизительно около 13 000 руб.»³⁴.

30 сентября 1915 г. вышло предложение епископа Андроника, где говорилось «чтобы не дать немецким агентам возможности вызвать замешательство в экономической жизни России и даже панику среди обывателей, причты и старосты церковей сами с большой осторожностью относились к просьбам разменять в церквях и монастырях кредитки на мелкую серебряную и медную монету и прихожан убеждали делать то же самое»³⁵.

В своем отчете за 1915 г. пермский епископ отмечал: «В облегчение Государственного Казначейства по приобретению золотой монеты в обмен на кредитные билеты, духовенство располагало прихожан своих сдавать в Казначейства имеющееся на руках их золото»³⁶. Таким образом, было сдано причтом с. Растеса Соликамского уезда на сумму 5427 руб., с. Судинском Осинского уезда священником М. Будниным 1067 руб. и одним дьяконом

²⁸ См.: Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 37.

²⁹ Там же.

³⁰ См. там же.

³¹ См. там же.

³² См. там же.

³³ См. там же.

³⁴ См. там же.

³⁵ Там же. Л. 38.

³⁶ Там же. Л. 37.

1000 руб.³⁷ Помогало духовенство и в обмене на 5,5 % внутренний заем на нужды войны церковными суммами и приходскими³⁸.

По предложению пермского епископа Андроника духовенство также должно было убеждать прихожан своих «не возвышать цен на жизненные припасы и топливо, на потеху врагам нашим»³⁹. Но с огорчением епископ отметил: «Любовь прихожан к легкой наживе по случаю такой великой беды, как война, не остановила их в нечестном увеличении цен на все, без крайней нужды, к великому стыду их и бесчестию»⁴⁰.

Уже 6 августа 1914 г. состоялось собрание духовенства и старост церкви города Вятки, где единогласно постановили открыть в Вятском епархиальном доме лазарет духовного ведомства на 15 кроватей. 5 сентября 1914 г. этот лазарет был переименован в госпиталь, с устройством в нем операционной комнаты для приема тяжелораненых, а не легкораненых, как предполагалось в начале. С 1 сентября 1914 г. начался прием раненых. За ними ухаживали 6 сестер милосердия, 5 санитаров, 2 кухарки, врач и 2 фельдшера. К началу 1915 г. госпиталь был рассчитан на 100 коек. Это был крупнейший лазарет в России из епархиальных⁴¹.

При Вятском и Куженерском женских монастырях были открыты приюты для детей воинов, содержащиеся на средства монастыря и местного духовенства. В Куженерском женском монастыре приют был рассчитан на 13 девочек⁴².

Церкви Вятской епархии жертвовали на военные нужды в 1914 г. 0,5 % и выше из своих поступлений. Начиная с сентября 1914 г. церковнослужители города Вятки жертвовали ежедневно на содержание раненых воинов: протоиерей – 20 коп., священник – 15 коп., дьякон – 10 коп., псаломщик – 5 коп. Вятский Архиерейский дом одновременно выделил в 1914 г. 1500 руб. и обязался содержать при доме 10 раненых. Вятское епархиальное братство Святителя и Чудотворца Николая также пожертвовали на раненых и больных воинов 1500 руб.⁴³

Вятское духовенство принимало самое активное участие в создании попечительных советов. С августа по декабрь 1914 г. попечительными советами была оказана материальная помощь 23 585 семьям, что выразилась в общей сумме: 32 329 руб. 99 коп.⁴⁴ По инициативе церкви были организованы

³⁷ См.: Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 37.

³⁸ См. там же. Л. 38.

³⁹ См. там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1914 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2632. Л. 38.

⁴² См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2694. Л. 14.

⁴³ См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1914 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2632. Л. 40.

⁴⁴ Там же.

дамские кружки по шитью белья для воинов, куда помимо остальных входили монахини, послушницы, а также члены семей священнослужителей. В декабре 1914 г. на средства духовного ведомства Вятской епархии были сделаны рождественские подарки для целого полка, стоящего на передовых позициях. Подарки вручал священник Емилиан Николаев. В один подарочный комплект входило 11 вещей: рубашки, кальсоны, теплый жилет, напульсники, набрюшник, перчатки, чулки, шлем, наушники и шарф; затем узелок с мелкими вещами: чаем, сахаром, мылом, табаком, писчей бумагой, конвертами, нитками, иглой, карандашом, ложкой⁴⁵.

За 5 месяцев 1914 г. всех пожертвований только от духовенства страны, не считая средств, собранных попечительными советами, поступило на сумму 137 300 руб., но наиболее значительные денежные пожертвования сделали священноцерковнослужители 10 епархий. К их числу относились и две уральские: Уфимская епархия (10 000 руб.) и Оренбургская (7000 руб.)⁴⁶.

В течение 1914–1915 гг. из Оренбургской епархии было послано в армию 13 транспортов всевозможных предметов обмундирования, питания и снаряжения. В августе 1915 г. при Оренбургском епархиальном комитете создали особую военно-промышленную секцию, которая изыскала на военные цели до 25 000 руб. и организовало особый сбор металлов, давший до 10 000 пудов чугуна и до 100 пудов меди⁴⁷. Екатеринбургский епископ Серафим в своем отчете за 1915 г. писал: «Злостная легенда о слабой отзывчивости духовенства в переживаемое тяжелое время к духовенству неприложима»⁴⁸.

Активное участие в работе комитета Красного Креста приняли преподаватели и учащиеся духовно-учебных заведений. Ряд из них в 1914 г. уступили свои здания для нужд военного времени. Все здания или почти все уступили Уфимская духовная семинария, Камышловское, Челябинское, Пермское, Соликамское, Уфимское духовные училища, а также Вятское, Екатеринбургское, Пермское епархиальные женские училища. Только часть своих помещений отдали Пермская духовная семинария и Екатеринбургское духовное училище. Многие воспитанники духовно-учебных заведений записались добровольцами на фронт или поступили в военно-учебные заведения. Из учащихся духовно-учебных заведений образовывались санитарные отряды для переноски раненых с вокзалов в госпиталь. Во время летних каникул организовывались «рабочие дружины» для помощи семьям воинов действующей

⁴⁵ См. там же. Л. 38.

⁴⁶ См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С. 67–68.

⁴⁷ См.: Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг., 1917. С. 13–14.

⁴⁸ См.: Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за РГИА за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2699. Л. 20.

армии (по типу «тимуровского движения»). Воспитанницы женских епархиальных училищ шили белье для солдат. В среднем на одно женское епархиальное училище приходилось до 3000 предметов сданного белья⁴⁹.

В результате наступления германских войск в 1915 г. русская армия вынуждена была оставить Польшу с Варшавой и часть Прибалтики, потеряв при этом около двух миллионов человек. Поэтому летом 1915 г. особенно острым стал вопрос о беженцах. Св. Синод немедленно прореагировал на требования дня рядом своих постановлений. В августе и сентябре 1915 г. циркулярными синодальными указами на епархиальных владык была возложена обязанность озаботиться о размещении беженцев: монахов, послушников, клириков, учителей церковных школ и духовно-учебных заведений. Для оказания материальной помощи беженцам в сентябре 1915 г. за литургией и накануне за всеобщим бдением, во всех церквях России произведен был специальный сбор пожертвований⁵⁰.

В Перми существовало два центра, занимающихся проблемами беженцев: духовный, церковный – Попечительный совет о беженцах с мест, занятых неприятелем, и светский – Пермский городской комитет о беженцах. Членами этих двух центров (совета и комитета) был благочинный градо-Пермских церквей Иоанн Пьянков⁵¹. Был еще «Епархиальный Попечительный Совет о воинах и их семействах», членами его были протоиереи: Петр Черняев, Евгений Будрин и Иоанн Пьянков⁵². Анализируя сложившуюся ситуацию, пермский епископ Андроник в своем отчете за 1915 г. писал в Св. Синод: «На призыв духовенства прихожане охотно и в большом количестве, как видно из ведомостей о пожертвованиях в епархии, и деньгами и натурою жертвуют и в попечительные приходские советы и на Красный Крест (более 40 000 рублей) и на предметы обороны и на беженцев (до 15 000 рублей), на приюты-ясли для детей воинов, на нужды больных и раненых воинов Сербии и Черногории, на голодающих русин в Галиции и Буковине и в другие благотворительно-просветительные учреждения (всего более 20 000 рублей)»⁵³.

В Оренбургской епархии беженцев-мирян разместили в 2 монастырских домах и в 4 зданиях церковных школ города Оренбурга. При двух монастырях (Илецком женском и Мещяриковском мужском) открылись приюты для беженцев. Когда количество беженцев достигло немислимых масштабов, для них в доме Оренбургского Иоасафовского сестричного братства стали готовить особые обеды и развозить их по городу. В бараках для бежен-

⁴⁹ Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг., 1917. С. 80–85.

⁵⁰ См. там же. С. 6–8.

⁵¹ См.: Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 28.

⁵² См. там же.

⁵³ Там же. Л. 22.

цев послушницы ежедневно раздавали до 40 ведер молока. Специально для беженцев открыли новую походную церковь. В Уфимской епархии церковное руководство пыталось создать благоприятные условия для обучения детей беженцев. В церковные школы они принимались вне очереди. На отпущенные Западно-Русским обществом средства (21 140 руб.) в разных местах епархии открыли 30 школ специально для беженцев⁵⁴.

Особое внимание церковь уделяла детям воинов. На деньги Романовского комитета были открыты приюты для детей воинов в женских монастырях: Чердынском Иоанно-Богословском (Пермская епархия) и Екатеринбургском Ново-Тихвинском (Екатеринбургская епархия). Такой же приют, но всецело на деньги духовного ведомства учредили в Уфе⁵⁵. Организация призрения детей воинов в Пермской епархии считалась образцовым делом. Пермский епархиальный попечительный совет о нуждах войны приступил к организации приютов в 1914 г., выработав особое «Положение». Согласно последнему в приюты принимались солдатские дети до 10-летнего возраста, отцы которых или убиты на войне, или потеряли трудоспособность вследствие ранения, а матери больны или обременены многочисленным семейством. На содержание призреваемых Епархиальный попечительный совет ассигновал по 10 руб. в месяц в городе Перми и по 8 руб. в епархии. Кроме двух открытых монастырских приютов (женские монастыри Пермский Успенский и Чердынский Иоанно-Богословский) по постановлению епархиального съезда духовенства и старост Пермской епархии около города Кунгура, на земле, пожертвованной духовному ведомству купцом Васильевым, было решено открыть приют-богадельню для призрения солдатских сирот и калек-воинов. На организацию и содержание его Епархиальный попечительный совет ассигновал 20 000 руб. Кроме того, откликнувшись на призыв Св. Синода об устройстве ясель в приходах во время полевых работ, Пермская епархия открыла 122 пункта для ясель. Помещением для них служили главным образом здания церковных школ⁵⁶.

В отчете за 1915 г. пермский епископ Андроник отмечал: «По предписанию Св. Синода и моим предложением, при помощи церковно-приходских попечительств, приходских попечительных советов, сестричеств и братств, при многих церквях епархии заведены были летние ясли-приюты для детей воинов, каковых и было всего 122 с 2070 детьми (от 2 месяцев до 10 лет), на них израсходовано приблизительно до 5000 рублей денег, помимо жертв натурою, собранных при участии духовенства и их членов семьи»⁵⁷. Жены свя-

⁵⁴ См.: Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг., 1917. С. 28–29.

⁵⁵ См. там же. С. 15–16.

⁵⁶ См. там же. С. 17–20.

⁵⁷ Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 38.

щенников и учительницы принимали в уходе за детьми самое деятельное участие. На бедных прихожан, на подарки к праздникам в 1915 г. было собрано 69 328 руб. 94 коп⁵⁸.

В годы Первой мировой войны монашество и духовенство уходило на фронт добровольно. Так, например, основатель Серафимо-Алексеевского скита Белогорского мужского монастыря игумен Серафим (Кузнецов) не мог остаться в стороне и вместе с четырьмя иеромонахами Белогорского монастыря добровольно отправился на фронт для ведения пастырской работы⁵⁹. На фронтах Первой мировой священники не только вдохновляли бойцов, но и проявляли подлинный героизм. Так, в 1914 г. священник 102 Вятского полка Димитрий Любавский вывел из-под огня неприятельской тяжелой артиллерии 16 повозок полкового обоза, при этом его самого контузило. За этот и другие свои подвиги он был награжден в 1916 г. Св. Владимиром 4 степени с мечами. Только за 1914 г. на фронте было убито 27 священников и иеромонахов, ранено 67, пропало без вести 14⁶⁰. К концу 1915 г. военных священников насчитывалось 2 тыс., а всего их было в армии свыше 5 тыс.⁶¹

В Пермской епархии в июне 1915 г. к вершине горы Фавор, в Фаворской обители, по случаю торжественного освящения алтаря-часовни с престолом в честь Воздвижения Креста Господня и в память русских воинов «убиенных в нынешнюю войну», собрались крестные ходы из Перми и еще 15 приходо-в. Эти крестные ходы возглавил ректор Пермской духовной семинарии архимандрит Пимен, его сопровождали епархиальный миссионер и уездные миссионеры. Вместе с православными шли и раскольники и сектанты⁶². У вновь освященного алтаря-памятника прошло «всенародное богомоление об упокоении православных воинов, убиенных за Веру, Царя и Отечество и о даровании христоролюбивому русскому воинству полной победы над сильным и коварным врагом нашего Отечества...»⁶³.

Для того чтобы вдохновить воинов, пермский епископ Андроник вручил 101 Пермскому полку как святыню одну из хоругвей (на одной стороне изображен Спас, а на другой – Введение во храм Божьей Матери), написанную в первой половине XVII в., в честь Михаила Никитича Романова, дяди царя Михаила Федоровича, погубленного Борисом Годуновым в Ныробе (Чердын-

⁵⁸ Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 38.

⁵⁹ См.: Вяткин В.В. История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения: дис. ... канд. ист. наук / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. С. 161.

⁶⁰ См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С. 36, 49; РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 483. Л. 71.

⁶¹ Сенин А.С. Армейское духовенство России в Первую мировую войну // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 161.

⁶² См.: Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 14.

⁶³ См. там же.

ский уезд). Царь Николай II одобрил этот шаг. Было написано послание императору, а хоругвь-стяг препровождался в Царскую Ставку⁶⁴. Для организации поездки пермской делегации на аудиенцию с Николаем II был создан особый комитет по инициативе епископа Андроника в составе 18 членов – представителей правительственных учреждений, местного городского самоуправления, губернского и уездного земства, духовенства, купечества и граждан г. Перми⁶⁵. В воскресный солнечный день 3 июля 1916 г. на Соборной площади произошло торжественное освещение хоругви-стяга. Перед молебном епископ Андроник обратился с речью. Состоялся парад войск, который принимал командированный из ставки Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии Адлерберг, присутствовали губернатор М.А. Лозина-Лозинский, председатель губернской земской управы Е.Д. Калугин и др.⁶⁶

В епархиальных отчетах за 1914 г. отмечался повсеместный религиозный энтузиазм в русском народе. В отчете за 1914 г. екатеринбургский епископ Серафим писал: «Рознь и партийные счеты забыты, после недавних смут русский народ как бы впервые прозрел и понял, какими дорогами сокровищами он владеет в вере православной, в своем Самодержавном Царе и его державных помощников и наконец в завещанной от предков русской земле. На этих старорусских началах теперь и объединился русский народ, как один человек, и горит одним желанием сломить упорного и коварного врага и с честью выполнить великую миссию водворения в людях мира и благоволения»⁶⁷. Он же в 1915 г. с оптимизмом утверждал: «Состояние благочестия в народе возвышается»⁶⁸. В своих отчетах екатеринбургскому епископу Серафиму благочинные на конкретных примерах иллюстрировали рост благочестия⁶⁹. Только отчет благочинного градо-Екатеринбургских церквей как бы выпадал из общей массы. Он в своем отчете отмечал: «Зажиточный и интеллигентный класс населения в шуршании кредитной бумаги заглушает в себе и религию и патриотизм. <...> Организуемые сборы и пожертвования начинают сокращаться, общество менее отзывчиво относится к возникающим потребностям и нуждам военного времени. Увеселительные места наоборот начинают работать оживленнее»⁷⁰.

Тот же самый подъем религиозности в обществе в годы войны отмечает и пермский епископ Андроник. Однако и у него двойственное ощущение от психологической атмосферы того времени: «На возвышение религиозности

⁶⁴ См.: Дар жителей Пермского края 101-му Пермскому полку. Пермь, 1916. С. 1–8.

⁶⁵ См. там же. С. 5–6.

⁶⁶ См. там же. С. 8–9.

⁶⁷ Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1914 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2636. Л. 26.

⁶⁸ См.: Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2699. Л. 27.

⁶⁹ См. там же. Л. 27–33.

⁷⁰ См. там же. Л. 30.

повлияла еще в большой степени война, если не исключительно; по отзывам духовенства, прихожане усерднее посещают храмы, чаще служат молебны и акафисты, щедро жертвуют на храм и покупают свечи; с другой стороны, нельзя умолчать, что домашняя молитва всей семьей не совершается, родители не наблюдают, чтобы дети выученные в школе молитвы читали дома; не видно, чтобы пьянство совершенно прекратилось, так как пьют теперь вместо водки хмельную брагу, пиво; местами среди молодежи развивалась картежная игра; среди солдаток непослушание старшим в семье, склонность к щегольству, в надежде на казенное и общественное пособие, уклонение от работы, излишняя требовательность общественной помощи; в городах страсти к кинематографам, даже накануне праздничных дней в часы богослужения...»⁷¹.

О настроении паствы в годы войны пишет в своем отчете за 1915 г. вятский епископ Никандр: «О нарастающем влиянии пастырей церкви на население свидетельствуют все благочинные епархии. Паства внимательно относится к проповеди в храме, особенно если она ведется не по книге, не по тетради, а живой речью. Интерес населения к беседам увеличивается и тем, что на беседах всеми священниками сообщались сведения о ходе военных действий. Сообщения с театра войны из газет и журналов давали широкий материал освещать цель настоящей войны и боевыми эпизодами иллюстрировать величие и красоту Православия»⁷².

Если взять такой показатель религиозности, как церковное строительство, то за три года войны строительство новых церквей и монастырей не прекратилось. Только в 1915 г. в Вятской епархии с разрешения было открыто 27 приходов⁷³. За период 1912–1916 гг. в Пермской епархии было основано 4 монастыря и построено 49 церквей. Если взять такой отдельный факт, как строительство нового соборного храма в уездном городе Оса Пермской губернии, то только за двухлетний период 1912–1914 гг. пожертвований и «кружечного сбора» на строительство храма от прихожан поступило всего 4550 руб., а за один 1915 г. – целых 11 207 руб.⁷⁴

В Пермской епархии в 1915 г. открыли 2 прихода⁷⁵. В 1915 г. строящихся церквей было: каменных – 19, деревянных – 45, часовен каменных – 1, деревянных – 5⁷⁶. Окончено «построением» церквей каменных – 5 и деревянных

⁷¹ Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 9.

⁷² Отчет о состоянии Вятской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2694. Л. 18.

⁷³ См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2694. Л. 8.

⁷⁴ См.: Отчет комитета по постройке нового соборного храма в г. Осе за 1912, 1913, 1914 и 1915 года. Оса: Тип. И.А. Кузнецова, 1916.

⁷⁵ См.: Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 2.

⁷⁶ См. там же. Л.19.

ных – 13, часовен каменных – 1 и деревянных – 11, освящено 9 деревянных церквей⁷⁷.

В 1915 г. в Екатеринбургской епархии прихожане более щедро жертвовали в пользу своих храмов. По Екатеринбургскому уезду было 9 пожертвований на сумму 16 698 руб. 50 коп.⁷⁸, по Верхотурскому уезду 4 пожертвования на сумму 5235 руб.⁷⁹ По Шадринскому уезду 5 пожертвований было на сумму 8900 руб.⁸⁰ В 1915 г. В Екатеринбургской епархии открыли 2 самостоятельных прихода. Закрытий приходов не было⁸¹. Строящихся церквей было 62, окончено постройкой 12, освящено 11⁸².

Патриотический энтузиазм 1914–1915 гг. сменяется разочарованием 1916 г., религиозный подъем идет на убыль, зато растут и становятся популярными в российском обществе антицерковные настроения. Кроме того, важно акцентировать внимание, каким образом церковь пыталась не просто помочь российскому государству выдержать испытания лихолетья, но и выработала именно в ходе этой войны мобилизационную модель своих действий, которая впоследствии сыграла свою роль и во Второй мировой войне.

Получено 14.01.2011

⁷⁷ Отчет о состоянии Пермской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 19.

⁷⁸ См.: Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2699. Л. 34–35.

⁷⁹ См. там же. Л. 35.

⁸⁰ См. там же. Л. 35–36.

⁸¹ См. там же. Л. 2.

⁸² См. там же. Л. 16.